

Война... Что может быть страшней? Она оставила неизлечимые зарубки горя, страдания в сердцах миллионов людей. Мне довелось прочитать повесть Михаила Николаевича Книженцева «Память огненных лет». О чём она? Конечно же, о прошедшей войне, и бесценность её в том, что она написана боевым офицером, прошедшим огненными дорогами войны с первых дней и до дня Победы. Война застала младшего лейтенанта Книженцева (на снимке) на учениях близ Ашхабада. Под-

нятый по тревоге артополк замер в тревожном ожидании. Командир полка, заметно волнуясь, произнёс: «Сегодня фашистская Германия, вероломно, без объявления войны, напала на Советский Союз»...

После речи командира открылся митинг. Все выступавшие рвались в бой. Они здесь же писали рапорта об отправке на фронт. Просьбу офицера Книженцева удовлетворили. Эшелон шёл туда, где наши войска, отступая перед превосходящими силами противника, отдавали город за городом, села, деревни.

Первый бой запомнился Михаилу Книженцеву навсегда. Прибывший на позицию полк сходу открыл ураганный артиллерийский огонь по входящим в Ельню немцам. Они несли большие потери, но и у наших артиллеристов в дуэльном поединке с немецкими появились раненые и убитые. А наутро, из-за леса, налетели фашистские стервятники с включенными душераздирающими sireнами, наводя

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

22 июня - этот день скорбной датой вошёл в историю народов. Начало Великой Отечественной войны - начало боёв, потерь и веры в победу.

ужас на людей, сея страх и хаос. Михаил не мог понять, где же наши соколы, которые летали выше и дальше всех, оставив их без прикрытия.

Управление 28 армией, которая попала в окружение, было потеряно, а командующий генерал-лейтенант Качалин незадолго до этого объявлен предателем, бежавшим к немцам. В этой неразберихе с немецких самолётов посыпались листовки с фашистской свастикой, призывавшие: «Солдаты и сержанты, командиры и политработники Советской Армии, ваше положение безвыходно... Сложите оружие и сдавайтесь в плен»...

Много дней и ночей с боями пробивалась 28 армия из окружения: опустевшие деревни, брошенные с боеприпасами танки. И смерть, неудавшаяся контратака навалом. Ни один немецкий снаряд, мина не взрывались без того, чтобы не вырвать из толпы красноармейцев несколько жизней. Кто-то падал с разбитым черепом, оторванной ногой, рукой и, обливаясь кровью, шёл или полз, волоча за собой кусок грязно-красного меса, прося о помощи: «Братцы... помогите, не бросайте, спасите меня».

В Ашхабаде Михаил представлял войну совсем иначе. Красная Армия всех сильней — в стихах и песнях прославляли её. А здесь паника, отступление. У слабых появились неверие в победный исход войны. В одной из стычек с немцами, обстрелявших группу Книженцева, капитан Гатиулин трусливо спросил: «Что если немцы подойдут к нам, будем сдаваться в плен?». «Нет, живыми не сдадимся!» — со злобой прокричал Михаил.

Проходя мимо одной из деревень, они увидели на окраине пожилую женщину, которая со слезами запричитала: «Сдавайтесь сыночки... Все равно всех перебьют»... «Нет, машина! Мы ещё вернёмся и освободим нашу землю», — ответил ей лейтенант Книженцев.

В трудные минуты он собирал свою волю в кулак, показывая мужество, стойкость сво-

им подчинённым, которые верили ему. И ничто не сломило волю советских людей, защищавших нашу Родину. Немцы торопились во что бы то ни стало до зимы овладеть Москвой. Они стянули к Ильинску много танков, артиллерию, самолёты и бросили всю эту мощь, изрыгавшую смерть, на горстку наспех собранных, измученных, оборванных, но не павших духом защитников. На помощь оборонявшимся подошли курсанты Подольского училища. На варшавской дороге горели 17 немецких танков, ручей был запружен телами фашистов. Но силы были неравны, боеприпасы закончились, тылы отрезаны...

Командир полка вызвал, как самого надёжного, проверенного в боях, лейтенанта Книженцева и отдал приказ пройти через вражеское кольцо, доставить пакет в штаб армии с просьбой о помощи. Чудом избежав плена, а затем смерти, они выполнили с товарищем приказ. Полковник вскрыл пакет и с горечью произнёс: «Обо всём мы знаем, но помочь не можем, — и помолчав немного, добавил, — немцы уже заняли Ильинск». «Куда же мне идти?». «Куда хотите. Вы свободны».

Наступили предзимние холода. Советские части отходили от Малого Ярославца. Отступавшие были одеты, кто во что мог. Кто-то в фуражке, кто в пилотке, кто в шляпе. Кто-то натянул на себя пальто, неважно мужское или женское, лишь бы согрелось. Машины катились без стёкол, с пробитыми пулями и осколками снарядов кузовами, некоторые на одних дисках. Глядя на всё происходящее, Михаил смахивал невольные слёзы. Но уже между Подольском и Москвой дорога была запружена свежими сибирскими полками, хорошо одетыми и вооружёнными.

В спешном порядке к фронту двигались танки, пушки «Катюша». Неописуемо радостно было смотреть им, окружённым, испытывавшим горечь отступления. Высокое чувство гордости наполняло их сердца. А слова Верховного, произнесенные 7 ноября на Красной

площади: «Враг будет разбит, победа будет за нами», ещё более вдохновили Михаила и его однополчан.

Бои, бои... Смертельная опасность подстерегала их на каждом шагу. Пять ранений, два осколка в лёгком и бедре остались навсегда. Едва окрепнув после ранения, лейтенант вновь спешил на фронт, боясь потерять свой полк. Белоруссия встретила выжженной пустыней — остовами чёрных от пожаров труб да бурьяном.

Совсем другое Михаил увидел в Латвии. Воины встречали враждебно, «лесные братья» стреляли в них из засад. Новый 1945 год Михаил встретил в госпитале, а когда выписался, бои уже шли в Германии, на окраинах Берлина. В своём блокаде офицер правдиво пишет о солдатах, офицерах, принявших немую смерть, в конце войны из-за чрезмерной жадности к спиртному, беспечности. Иногда к офицеру приходили пожилые фрау и жаловались на солдат, насилующих молодых женщин, девушек. Он, как мог, растолковал им: «Солдаты мстят за то, что ваши солдаты делали всё, что хотели с их сёстрами, женами, матерями»...

Война шла последние дни, 2 мая пал Берлин. Снова получен приказ, Книженцев опять в бою в Праге...

Победа! Наступили непривычные, без выстрелов, мирные дни. Трудная судьба наконец-то улыбнулась Михаилу, наконец, впервые за 10 лет, отданных армии. В Венгрии он встретился с братом Григорием. Помянули младшего брата Ивана, погибшего в Латвии. Четыре сына и отец воевали на фронтах.

Демобилизовались с Григорием вместе, и в один из летних дней приехали на станцию Шемонаиха, откуда на попутных подводах наконец-то добрались до отчего дома, в родное, Большая Речка, где их уже ждали, как и положено, по-русски, всей деревней, в честь приезда братьев-фронтовиков.

Владимир РОСТОВСКИЙ

13 СЕГОДНЯ 22 ИЮНЯ